

Раскрывается авторское понимание вернакуляра («архитектуры без архитекторов», свойственной определенной местности и локальной культуре) как проявления культурного механизма, альтернативного имперско-колониальным механизмам градоформирования. Предлагается именовать этот механизм «культурой 3». На примерах городов постсоветской Армении показаны принципиальные различия вернакуляра и «не-вернакуляра» (классицистическая, модернистская, постмодернистская застройка). Ставится задача реинтерпретации истории архитектуры с учетом деколониальной оптики.

Ключевые слова: вернакуляр; империя; культурные механизмы; самоколонизация; Армения. /

The article reveals the author's understanding of the vernacular ("architecture without architects" typical for a certain area and local culture) as a manifestation of the cultural mechanism alternative to the imperial-colonial mechanisms of urban development. It is proposed to call this mechanism "Culture 3". The examples of post-Soviet Armenia show the fundamental differences between the vernacular and "non-vernacular" (classical, modernist, postmodernist buildings). The article sets a task to reinterpret architectural history in view of decolonial optics.

Keywords: vernacular; empire; cultural mechanisms; self-colonization; Armenia.

^ Рис. 1. Москва, Собачья площадка. Фото И.С. Остроухова, 1917

Вернакуляр как антиимперия: культура 3 / Vernacular as anti-empire: Culture 3

ТЕКСТ

Андрей Иванов /

text

Andrey Ivanov

Живой вернакуляр

Архитектура живая, если можно так выразиться, возникает не по приказу; она <...> рождается из себя самой и проистекает из гения и потребностей народа как буд-то без участи воли.

Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году

Один из первооткрывателей ценности вернакулярной застройки Бернанд Рудофски назвал ее «архитектурой без архитекторов» или «непородистой» (non-pedigreed) архитектурой [1], теоретик Александр Раппапорт в одном из своих интервью – архитектурой «непреднамеренной». Интерес к такой застройке, медленно нараставший в течение всего XX века, оформился к его концу в Хартию по построенному вернакулярному наследию, ратифицированную в 1999 году XII Генеральной ассамблеей ИКОМОС в Мехико. Хартия оценивала вернакулярное наследие или, иными словами, историческую вернакулярную архитектуру, как «занимающее центральное место в привязанностях людей к их среде обитания, <...> составляющее ядро существования человека как такового <...> фундаментальное выражение культуры сообщества, его отношений с занимаемой им территорией и, в то же время, выражение культурного разнообразия мира. <...>

v Рис. 2. Москва, расчистка территории под строительство проспекта Калинина. Собачьей площадки больше нет. Фото начала 1960-х годов

Оно появляется неформальным образом, но тем не менее упорядочено. Оно выполняет утилитарные функции и в то же время обладает уникальностью и красотой. Это фокус современной жизни и в то же время свидетельство истории общества. Это творение человека, но также и результат работы времени. Было бы антигуманно не принимать мер по сохранению этого традиционного гармоничного наследия».

Хартия установила следующие определяющие признаки вернакулярной застройки: «а) способы строительства, разделяемые всем сообществом; б) узнаваемые местные или региональные особенности, соответствующие окружающей природной среде; в) согласованность стиля, формы и облика, применение исторически сложившихся типов зданий; г) использование в проектировании и строительстве традиционных знаний, передающихся неформальным образом; д) эффективное реагирование на функциональные, социальные и экологические ограничения; е) эффективное применение традиционных строительных систем и ремесленных умений» [2].

Исследователь вернакулярной архитектуры Ален Нуобл расширил понимание «вернакуляра», включив в число его «авторов» мастеров-профессионалов. Разводя понятия «народная» и «вернакулярная» архитектура, он отметил, что если авторами первой обычно являются лица, профессионально не обученные строительному искусству, то вторая также создается простыми людьми (common people), но может быть создана и профессионалами, прошедшими обучение по системе «мастер – подмастерье» (apprenticeship) [3].

Если в западных гуманитарной географии, антропологии, урбанистике, архитектуроведении вернакуляр исследуется достаточно активно, то на отечественной почве этот концепт только пробивает себе дорогу. Одним из его адептов был урбанист Александр Высоковский. В лекции 2013 года «Вернакулярный город» он говорил о «невидимой, но очень мощной структуре понимания и идентификации места, в котором живут горожане» как о «мыслительной конструкции, порожденной самими людьми в процессе жизнедеятельности», и назвал ее «вернакулярным городом или вернакулярной структурой, по аналогии с вернакулярным районом и другими верна-

^ Рис. 3. Гюмри, улица Абовяна. Фото автора, 2022

^ Рис. 4. Ереван, вернакулярный район Конд. Дворик бывшей персидской мечети XVIII века. Фото автора, 2022

кулярными конструктами, которые не являются результатом осознанной технической или научной деятельности, а возникают в процессе жизнедеятельности, проживания и вживания, взаимодействия с окружающими физическими объектами и социальными средами».

Ученый развивал здесь понятие вернакулярного района, предложенное, в частности, американским географом Рут Хейл в 1970-х годах. Она «применила понятие вернакулярных для описания районов, которые возникают в результате жизненных циклов человека и сообществ. Такие районы не обозначены административными границами или физическими преградами. <...> Люди сами выстраивают их как определенные ареалы своей жизнедеятельности. <...> Именно здесь реализуется важная для человека функция жизнедеятельности, а кроме того, происходит его самоидентификация с территорией – с определенным местом и, соответственно, сообществом, населяющим это место» [4].

Вернакулярные районы в таком широком гуманитарно-географическом понимании вовсе не обязаны состоять из вернакулярной архитектуры. Но наш круг рассмотрения будет гораздо уже: это места, где исторически вернакулярные здания, созданные теми самыми простыми жителями городов и сел, мастерами и подмастерьями строительного дела для самих себя и таких же, как они, не одиноки и составляют достаточно обширные участки среды. И прежде всего те из этих мест, где вернакулярные практики до сих пор живы, где и сегодня идут процессы вернакулярного строительства, обновления, реставрации. Назовем такие места «живыми историческими вернакулярными районами» и будем далее говорить именно о таком – живом – вернакуляре. Как и о том, что ему противопоставит.

Вернакулярное везение и антивернакулярная картина мира

Странам, богатым разнообразной вернакулярной архитектурой, невероятно повезло в современном мире. Вернакуляр увеличивает сложность, гетерогенность, полифоничность их культурного ландшафта и, более того, повышает их устойчивость в условиях глобально нарастающей нестабильности. Поэтому исторический вернакуляр

признается там национальным достоянием и стратегическим преимуществом, а его сохранение, воспроизводство и обновление всячески поощряется.

Однако во многих случаях (в частности, в большинстве стран – выходцев из СССР) это уникальное наследие не осознано как ценность и поддерживается только усилиями консервационистов-подвижников, отдельных мастеров и градозащитников. Властям, многим архитекторам, большинству населения таких стран, напротив, изначально присущ либо намеренно внушен агрессивнo-антивернакулярный взгляд на город и мир. Понимание архитектуры как высокого, элитарного, демиургического искусства исключает признание каких-либо достоинств за «низким» вернакуляром.

Это связано с доминированием в общественном сознании модерно-колониальной оптики, которая, как пишет Магина Тлостанова, «способствует обесцениванию и искажению тех знаний, субъектностей, мироощущений, форм жизни, которые не вписываются в модерность» [5]. А вернакуляр в нее не вписывается.

Характерные аспекты такого взгляда проявились в недавнем монологе главного архитектора Москвы Сергея Кузнецова, талантливого зодчего, в одном лице представляющего и власть, и профессиональный цех [6]. Приведем несколько выдержек из этого монолога с краткими комментариями.

в Рис. 5. Ереван, площадь Ленина (ныне Республика). На проектной панораме 1955 года нет ни одного здания постройки ранее 1930-х годов

^ Рис. 6. Ереван, площадь Республики. Фото автора, 2016

«Новая архитектура должна потеснить историческую застройку, сохраняя шедевры прошлого, но жестко обходясь с утилитарными зданиями, не обладающими культурной ценностью». Город разделяется на «шедевры» и все остальное – неценные «утилитарные здания», которые поэтому нужно заменять «лучшими» новыми.

«До недавнего времени никакой роли массового потребителя [в «производстве» и обсуждении архитектуры] не существовало. Люди просто жили и пользовались тем, что им предлагалось». Активность рядового горожанина (строительная, политическая и вообще мыслительная) сводится к нулю. Роль его – принимать дары государства либо потреблять рыночный товар.

«До сих пор нет однозначного ответа на вопрос <...> до какой степени можно позволить самим жителям привносить свои предложения и конструктивные решения». Власть относится к «простому человеку» как к априори пассивному объекту ее воздействий, разрешая или не разрешая ему то, что она захочет.

«Надо понимать, что объект становится памятником не потому, что Ленин там выступал, а потому, что это значимая архитектура». Ценность зданий устанавливается исключительно сверху. Для причисления их к «памятникам» используются чисто «архитектурные» критерии, доступные лишь специалистам. Вся «незначимая» историческая архитектура обрекается тем самым на легкий и безжалостный снос.

Сергей Кузнецов искренне хочет сделать Москву лучше и красивее. Вот только, если разобраться в его словах, без каких-либо признаков вернакуляра. Впрочем, его в столичной Москве и без Кузнецова остались крохи.

Мировые про-вернакулярные тренды

Так же, как главный архитектор Москвы, еще недавно считало большинство архитекторов-модернистов. Но ситуация быстро меняется. Лауреатами Притцкерской премии, архитектурного аналога Нобелевской, все чаще становятся не глобальные starchitects (такие, как Фрэнк Гери, Норман Фостер, Заха Хадид или Жан Нувель), а мастера, творчество которых основано на местных, вернакулярных традициях.

Архитектор из Индии Балкришна Доши, лауреат премии 2018 года, при создании большого жилого района

Аранья у себя на родине построил несколько зданий-образцов, ориентированных на семьи разного размера и уровня доходов. После этого жители, беря за основу созданные архитектором прототипы, проектные изображения или соседские постройки и модифицируя их, исходя из своих материальных возможностей и эстетических представлений, сами (будучи мастерами-каменщиками или приглашая мастеров в помощь) строили свои жилища с меньшими или большими отклонениями от образцов.

А лауреатом премии 2022 года стал Френсис Кере, уроженец Буркина-Фасо. В заявлении жюри говорится: «Он разработал чуткий архитектурный подход «снизу вверх», поощряющий соучастие местных сообществ. <...> Его первое здание, начальная школа в родной деревне Гандо (2001), было построено самими жителями деревни. Они вкладывали свой труд и ресурсы на всем пути от замысла до завершения здания, создав почти все его вручную, следуя изобретенным архитектором формам и используя местные материалы и современную инженерию. <...> Работы Кере показывают силу материальности, укорененной в определенном месте. Его здания, построенные для сообществ и совместно с ними, неотрывны от этих людей, что проявляется в процессе их создания, материалах, функционале и уникальном облике». [7]

В самых разных местах – от Англии, Германии, США до Чили, Индии, Китая, а теперь и Африки – появляется все больше реализованных проектов, вдохновленных вернакуляром.

Широко известен опыт архитектора Алехандро Аравены (лауреата Притцкерской премии 2016 года), спроектировавшего жилой массив в чилийском городе Икике. Государство обеспечивало жителей дотацией, хватавшей на постройку лишь половины полноценного дома. Аравена предложил возводить по его проекту именно полдома, тогда как вторую половину жители должны были достраивать сами. Схема оказалась востребованной: бюро Аравены спроектировало с тех пор несколько тысяч жилых ячеек такого типа в разных точках Латинской Америки. Эта «вторая половина дома» – чистый вернакуляр в союзе с современной архитектурой.

К признанию культурной ценности вернакуляра и работе по его принципам склоняется все больше хороших

^ Рис. 8. Ереван, жительница вернакулярного района Фирдуса во дворе дома по пр. Тиграна Меца, 13. Фото автора, 2022

1. «Имперскость» СССР – предмет непрекращающихся дискуссий. Поддерживая взвешенную оценку этнолога С. Абашина («Характер отношения центра и окраин был сложным, противоречивым и значительно изменялся как в пространстве, так и во времени. Существовали и формы насилия и подчинения, и меры по развитию эмансипации и равенства. Многие формы отношений действительно носили колониальный характер, но советское время не сводилось к колониальным отношениям, а содержало в себе другие элементы» [10]), я все же настаиваю на наличии именно имперских интенций в том отношении к архитектурному вернакуляру, которое сложилось у большинства советских граждан.

архитекторов. Так, японский зодчий Кенго Кума считает, что «...среда обитания человека и архитектура были в Японии разными вещами. <...> Дом проектировали и строили плотники. Это немножко другое, чем архитектура. <...> Само понятие архитектуры пришло к нам с Запада, и оно почти разрушило наш ландшафт. <...> Мы переходим из индустриальной эры в постиндустриальную. И суть постиндустриальной эры в том, что во всем участвует отдельный человек. Именно участвует. И в архитектуре становится популярным метод "сделай сам". Людям нравится самим проектировать и создавать собственные пространства» [8].

А упомянутый Норман Фостер в одном из недавних выступлений рассказывал, как «в швейцарской деревне, чтобы молодежь не уезжала, построили общественный центр с применением местных технологий, руками местных строителей, для развития местных ремесел и общения местных жителей. <...> Лорд Фостер призвал учиться у истории, соединять хайтек с традиционными технологиями» [9].

По многим причинам мы сильно отстаем от этих тенденций, что оборачивается массовой утратой ценной исторической застройки, потерей поселенческой и человеческой идентичности, десубъективизацией общества, примитивизацией культуры и городской среды.

Гордость и презрение

Стамбульцы <...> безнадежно влюблены в далекие эпохи, а город, в котором просыпаются каждое утро, презирают. Громоздят бетон на бетон, возводят повсюду ничем друг от друга не отличающиеся купола. Сносят, ломают, а потом, утомившись, приходят домой и ложатся спать под картиной с видом прекрасного Стамбула.

Бурхан Сенмез. Стамбул Стамбул

Подробнее рассмотрим феномен стигматизации вернакуляра на примере Армении. Армянская ситуация выглядит как-то особенно альтернативной мировым трендам. Здесь по праву гордятся своими древними храмами (IV, VI, VII века), советским «розовым» Ереваном (XX век). Это понятная национальная гордость – первым христианским государством, достойной новой столицей возрожденной страны.

А вот не очень старым городом Гюмри (ранее Александрополь, Ленинакан), застроенным в XIX – начале XX века искусными мастерами-каменщиками практически без участия профессиональных архитекторов, гордятся только немногие его жители. Ереванским вернакулярным районом Конд (с застройкой XVIII – начала XXI века) не гордится никто. И если согласиться с девизами «чем древнее, тем ценнее» и «чем богаче, тем круче», то «большинство» право. Наверное, ему действительно трудно увидеть какое-либо «другое ценное», помимо ярких наклеек древности, столичности, богатства.

С подобным видением прямо связана явная антипатия и даже презрение к вернакуляру. Оно имеет глубокие корни. Социум Еревана собран из дальних и ближних культурных и генетических потомков жителей слишком многих империй – от древних Великой Армении и Римской до более поздних Османской, Российской, советской¹, жизнь в которых была пронизана привычкой к контролю сверху и архитектурным шовинизмом по отношению к любым подлинным проявлениям местного.

v Рис. 7. Ереван, вернакулярный район Фирдус вблизи площади Республики. Медленное разрушение. Фото автора, 2022

^ Рис. 9. Ереван. Вернакулярный район Канакер. Кладбище церкви Святого Акопа (XVII век), вид на церковь Святого Иакова (XVII век). Фото автора, 2016

^ Рис. 10. Ереван. Вернакулярный район Айгестан. Фото автора, 2018

v Рис. 11. Ереван. Вернакулярный район Сари-Тех. Фото автора, 2016

В этой связи особенно важна фигура Александра Таманяна². «Краеугольным камнем» Еревана как новой столицы Армении считается генеральный план, разработанный этим архитектором и утвержденный в 1924 году. Город был радикально перепланирован (сохранены лишь трассы нескольких центральных улиц), а вся его застройка за исключением церквей и мечетей предполагалась к полной замене. Такое отношение к старому Еревану закрепило приятие в Армении тотальной перестройки исторического города как основного метода, которым в течение десятилетий осуществлялась реализация модернистского таманяновского генплана.

Общепризнано, что А. Таманян «изобретал» столицу советской Армении, руководствуясь принципами английского города-сада и древнеармянскими архитектурными канонами, но на деле он действовал в полном соответствии с модернистским духом времени, стремившимся «отменить», сделать незначимой для сегодняшнего дня предшествующую эпоху.

Советский период вживил в сознание ереванцев устойчивую матрицу: жесткое ценностное деление города на правильный, таманяновский центр из розового туфа, нейтральные районы новых многоэтажек и места-парии – позорные «трущобы, помойки, крысятники» Конда и других анклавов аутентичного старого города. Гордость неравенством (если ты наверху) и презрение к тем, кто внизу, к самоорганизации и свободе – две стороны одной и той же имперской парадигмы отношения к городу.

Постсоветский этап ничего не изменил. Напротив, благодаря такой, ставшей конвенциональной, ментальности, продолжающейся антивернакулярной пропаганде властей и большим деньгам новоармянских олигархов старый город разрушают еще более активно.

2. Александр Ованесович Таманян родился в Екатеринодаре (ныне Краснодар) в 1878 году, учился на архитектора в Санкт-Петербурге, до окончательного переезда в Ереван в 1923 году работал в основном в Санкт-Петербурге, Москве и их окрестностях.

^ Рис. 12. Ереван. Вернакулярный район Норагюх. Общий вид. Фото автора, 2020

3. Вспомним в этой связи, что Сергей Аверинцев настаивал на важности «низовых», базовых ценностей, «признание которых мы предполагаем абсолютно у каждого порядочного человека»: «Здравый смысл – это самый низший этаж культуры умственной и всякой другой. Но недаром здравый смысл называется по-английски common sense – «общий смысл», т.е. то, что обще для всех. Нижний этаж – это то, на чем строятся все остальные» [13].

Культура 3

*Улицы родные имени палачей,
разве не предупреждали вы меня, свет очей,
чем кончается имперство и ар-нуво?
Как не остается сердца ни у кого?*

Вера Полозкова

Посмотрим теперь внимательнее на эти «неправильные» районы Еревана – Конд, Козерн, Старый Норк, Канакер, Айгестан, Сари-Тех, Норагюх... Это среда, чаще всего никем не планировавшаяся, созданная руками самих горожан, реализовавших частные практики домо- и средостроительства, основанные на местных традициях. Проявление горизонтального вектора городского саморазвития, альтернативного вертикальным государственному и девелоперскому. Город сам по себе. Город как таковой. Self-made city. Самостоятельный. Анти-иерархичный, непокорный и потому ненавидимый чиновниками и презираемый большинством «правильных» ереванцев, выпестованных империей и не освободившихся от ее чар.

Советско-имперская вертикаль навязывала городам помпезные площади и проспекты, как бы даря их сверху. Но фронты этих официозных пространств одновременно являлись ширмами – своего рода потемкинскими кулисами, скрывавшими за собой неподдельную, живую, горизонтальную жилую среду.

Здесь можно говорить о городе фасадном и городе подлинном. И если фасадный город вписывается в рамку знаменитой оппозиции культурных механизмов Владимира Паперного: культура 1 (ей свойственна авангардная, «современная» стилистика, включая и работы армянских конструктивистов конца 1920-х – начала 1930-х годов, и «армянский модернизм» 1960–1980-х) vs культура 2 (консервативная стилистика, включающая и таманяновский неоклассицизм, и постмодернизм последних десятилетий) [11], то вернакулярный город этой дихотомией не описывается.

Поэтому стоит подумать о культуре 3. Это естественный, срединный, свободный от стилистической заданности культурный механизм – не авангард и не реакция на него. Он не привязан к определенным социаль-

но-политическим формациям или историческим этапам, но основан на универсалиях человеческого мастерства и творчества и при этом всегда вырастает из конкретного места. Это культура базовой, низовой самопостроенной и самоорганизованной среды (self-build environment), которая принципиально отлична не только от двух «верхних» культур В. Паперного, но и от описанной Михаилом Муравски «Культуры Tree» – постмодернистского глобалистского гибрида авангардной и консервативной архитектурных культур, как бы надстройки над надстройками [12]. Но над чем же возводились все эти надстройки? Ответим просто: над вернакулярном³.

Эта вернакулярная Культура 3 – домодернистская основа последующих «надстроечных» культур (явленная нам на примерах Конда и других пока сохраняющихся ереванских исторических вернакулярных районов и утраченная в случае уничтоженного старого центра города), либо местная, мастеровая, ремесленная версия того ин-

в Рис. 13. Ереван. Нарды за ширмами: жизнь вернакулярного двора vs жизнь проспекта Тиграна Меца. Фото автора, 2018

^ Рис. 17. Ереван. Так называемый дом Пана-хана (возможно, бывшее медресе) во дворах между улицами Туманяна и Вардананц. Фото автора, 2016

^ Рис. 16. Ереван. Вернакулярная застройка и Голубая мечеть (1765) во внутриквартальном дворе за ширмами проспектов Маштоца и Мовсеса Хоренаци. Фото автора, 2022

4. Северный проспект – успешный девелоперский проект, осуществленный в 2000-х годах в самом сердце Еревана на месте вернакулярного района Улица Лалаянца под эгидой тогдашнего президента Армении Р. Кочаряна. Авторы проекта гордо заявляли о реализации в нем планировочной идеи – кого бы вы думали? – все того же А. Таманяна.

варианта культуры 2, который существовал до Культуры 1 (случай живого вернакуляра Александрополя-Гюмри).

В ереванских городских группах в соцсетях популярны фотографии строительства 1930–1950-х годов на тему «старое и новое»: на первом плане староереванские домики, часто уже полуразрушенные, на заднем – величественная Опера («Народный дом» А. Таманяна), могучий новый уличный фронт или отдельная многоэтажная сталинка. На них хорошо видно, как имперская мощь архитектуры подавляла и замещала «слабую» частновладельческую среду. По идее, она должна была ее уничтожить. Вместе с субъектностью ее автора и носителя – простого ереванского работника, вольного ленинканского мастера-каменщика.

Но окончательной победы достигнуто не было. И даже сегодня в некоторых дворах Малого центра Еревана внутри регулярной уличной сетки сохраняются вернакулярные анклавы со своими собственными двориками, садиками, тупичками, ветхими с виду (но вполне благоустроенными внутри) галерейными домиками. Они напоминают пытливым наблюдателям или случайным прохожим о некоем другом городе, скрытом от проспектных фланеров...

Эти дворы и вернакулярные районы – очаги тихого частного сопротивления, не подавленные империей.

Здесь люди, так похожие на всех остальных, смогли построить и сохранить за ширмами свои маленькие города, параллельные имперскому. Жить в них своим укладом. Успешно реализовать «стратегию отказа» (Лев Рубинштейн).

Но «нормальный» горожанин, гуляя по построенному в советское время проспекту Маштоца (бывшему Сталина) или Северному проспекту, по времени строительства уже постимперскому (но имитационно-имперскому по форме и вполне имперскому по духу)⁴, и почти никогда не заглядывая за ширмы, неизбежно впитывает империю, и она продолжает влиять на его сознание, будучи будто бы упраздненной.

Надежда Мандельштам признавалась в «Воспоминаниях»: «Чем сильнее централизация, тем эффектнее чудо. Мы радовались чудесам и принимали их с чистосердечием восточной, а может, даже ассирийской черни. Они стали частью нашего быта» [14].

Явление помпезного фасада в формах сталинского ампира было чудом для обитателя советской империи 1930–1950-х. Известно, что демонстранты 7 ноября 1934 года аплодировали только что открытому фасаду дома Жолтовского на Моховой улице в Москве. Что уж говорить об обстроенных такими фасадами ансамблях центральных улиц (Горького/Тверской, Кутузовского

> Рис. 14. Ереван. Улица Амиряна. Фото 1947 года

> Рис. 15. Ереван. Опера и вернакулярный дом. Фото 1940-х годов

^ Рис. 19, 20. Гюмри. Вернакулярная застройка улицы Матнишяна между «ширмами» проспекта Тиграна Меца и улицы Шираза. Фото автора, 2017

проспекта в Москве, проспекта Сталина/Маштоца в Ереване) и площадей (Ленина/Республики в Ереване, Ленина/Независимости в Гюмри)?

Были ли у Еревана иные, помимо советско-имперской, траектории развития?

Краткий период 1960-х – начала 80-х годов город жил под знаком антитоталитарного армянского модернизма – «архитектуры свободных форм и пространств» (Карен Бальян)⁵. Впрочем, к вернакулярной застройке его творцы, за малым исключением, относились ненамного дружественнее архитекторов-неоклассицистов.

А вот «естественно-поступательный» вариант – с сохранением и постепенной регенерацией исторически сложившейся городской ткани – в условиях строительства столицы имперской провинции был невозможен принципиально⁶.

«Розовый Ереван прекрасен, ибо великий Таманян дал ему красивый генплан и новоармянский архитектурный стиль, в коем построены его площади и проспекты» – так, судя по всему, считает большинство ереванцев. Забывая о том, что это были имперский план и колониальная архитектура парадных фасадов-ширм – идеологическая разметка на теле живого города.

Имперская фасадность – государственно-безлична. Трогательные детали (тонкая ручная резьба по туфу, изящные филенчатые двери, балконные балясины) немного снижают пафос, но не меняют общей картины.

Вернакуляр – субъектен. Ты сам приделываешь фанерку к фасаду, железку на крышу. Ты сам их нашел/добыл/украд/купил. Ты сам пристраиваешь балкончик или мансарду к типовой многоэтажке. Тебе не «дают» квартиру, ты не вымалываешь заем у банка – ты сам строишь жилище для своей семьи. Ты берешь на себя ответственность (от ереванского рискованного «развалится/не развалится моя лихая пристройка на уровне пятого этажа?» до гюмрийского «то, что я делаю, обязано выглядеть достойно – лучше, чем у соседа»).

Философ Михаил Эпштейн отмечает, что в русском языке не случайно все более доминируют грамматические безличные конструкции («мне хорошо спится», «ему не пишется», «парня убило снарядом» [16]). Добавим: «город строится», «дом разрушается», «нас сносят».

5. Открытые тогда улица Саят-Новая, новая часть улицы Абовяна с широкими «зелеными» тротуарами своей демократичностью явно отличались от сталинских ансамблей.

6. В Гюмри было не так. Город, в конце XIX – начале XX века более развитый, чем Ереван, успевший накопить собственный весомый человеческий и культурный капитал, остался после революции вторым городом республики, сумев удержать вернакулярные практики на протяжении советского периода и сохранить свою уникальную вернакулярную застройку из черного туфа не только за ширмами сталинских проспектов [15]).

< Рис. 18. Ереван. Дворик во дворе Дома энергетиков постройки 1950-х годов. Фото автора, 2021

В отличие от таких безличных конструкций вернакуляр – личная конструкция. Переходящая на уровне городского района или поселения в ненасильственную практику градостроительства, которой сегодня так не хватает нашим городам. Вернакулярный тип self-урбанизма – альтернатива идеологизированному социалистическому градостроительству и доминирующему сегодня глобалистскому девелопменту на продажу.

7. В это обобщающее понятие можно включить и имперские/псевдоимперские парадные ансамбли, и модернистскую среду типовых микрорайонов, и нынешний глобализированный бизнес-гламур.

8. В качестве скрытого эпиграфа использованы строки из известного пушкинского восьмистишия и один из выводов его блестящего литературоведческого анализа в работе [17].

9. Выражение Джона Рескина из «Семи светочей архитектуры».

Исторический вернакуляр ценен своей аутентичностью, ощутимой временной преемственностью и многослойностью (среда-палимпсест, пусть иногда глубиной всего в сто-двести лет), симбиозом жителей и материальных структур, выраженностью в архитектуре процессов самоорганизации города. Этот мир, созданный на низовом уровне силами его обитателей, доказывает, что вовсе не обязательно архитектор, а любой горожанин, практикующий повседневную средоустроительную деятельность, может участвовать и преуспеть в создании живой, органичной и этим привлекательной среды.

Попробуем сопоставить базовые качества идеальных вернакуляра и не-вернакуляра⁷.

Вернакуляр	Не-вернакуляр
<i>...Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой.</i>	<i>Город пышный, город бедный, Дух неволи, стройный вид...</i>
«Малое, индивидуальное»	«Большое, институциональное» ⁸
Низовое, обыденное	Верховное, величественное
Равноправное, эгалитарное	Стратифицированное, элитарное
Местное	Экстерриториальное
Здесьнее, самостоятельное	Привнесенное, навязанное извне
Возникающее естественным образом	Насаждаемое
Центробежное	Центростремительное
Вписанное в контекст	Деконтекстуальное
Рукодельное, штучное	Машинное, серийное
Сделанное своими силами, на свои средства, самофинансируемое	Полученное в «дар» или купленное, финансируемое государством или инвестором
Любовно украшенное	Умышленно, бутафорски декорированное
Осязаемое, близкое	Визуальное, отдаленное
Человекосоразмерное	Сомасштабное массам
Предоставляющее создателю «удовольствие от работы» ⁹	Оставляющее исполнителя равнодушным

Непрерывное, перманентно трансформируемое	Дискретное, спорадически заменяемое новым
Подстраиваемое под конкретного человека или семью, личное	Ориентированное на «среднего» человека, отчужденное
Импровизационное	Шаблонное
Соприродное	Ненатуральное
Внешне слабое, внутренне сильное	Внешне сильное, внутренне слабое
Непредумышленное, спонтанное	Предписанное, спроектированное
Сделанное по неписаным правилам	Выполненное по формализованным нормативам
Демократичное (иногда анархичное)	Авторитарное (иногда тоталитарное)

Разумеется, эти оппозиции сверхидеализированы; в реальном городе всегда есть и то и другое, в разных местах – в различных пропорциях. Возможно, правильнее было бы написать в шапке левой колонки: «Скорее вернакуляр, чем не-вернакуляр», а правой: «Более не-вернакуляр, чем вернакуляр». Но некой золотой середины где-то между столбцами все же не существует. Их существенная разница – принципиальна.

Вернакулярная среда жива в своем вечном становлении.

В ней, по Оксимиру (альбом «Горгород»), «все переплетено, но не predetermined <...> Ведь у всего не единый архитектор <...> все переплетено само собою, набекрень, наискосок».

В ней нет консервативности. Живой вернакуляр открыт новому, другому, даже «чужому», но при этом внутренне крепко, устойчив и способен ассимилировать инновации без потери самости.

Антивернакулярная среда мертва уже при рождении. Да, ее можно как-то обжить, утеплить, к ней можно привыкнуть и даже ее полюбить. Ее можно «вернакуляризировать». Но качествами живорожденной вернакулярной среды она все же не обладает.

< Рис. 21. Ереван. Район улицы Лалаянца в 1990-х годах. Фото с выставки, посвященной 10-летию Северного проспекта в Музее архитектуры имени Александра Таманяна, март 2018

Империя и самоколонизация

...Наполеон заметил: «Сад (у Каира) был полон прекраснейших деревьев, но в нем не было ни одной аллеи». В этой реплике весь дух его утопии. Вся его жизнь до падения – это, по сути, прямая аллея сквозь чащу истории, штурм законов причинности, осада рая...

Анатолий Королев. Genius loci

Разные империи по-разному ведут себя на покоренных территориях. Иногда мягко – тогда местные особенности (уклады, обычаи, традиционное народное право, эстетические предпочтения и т. д.) могут сохраняться – лишь бы платили дань. Иногда жестко – тогда местные особенности искореняются огнем и мечом, циркулем и компьютерной цифрой.

Но метрополия в любом случае обязана манифестировать на месте свое величие. И архитектура – важнейший инструмент этой экспансии.

Вновь обратимся к Армении. Мощные, вполне имперо-сообразные ансамбли центральных площадей, сталинские главные улицы строились самыми лучшими армянскими архитекторами, и вовсе не подневольно – с большим энтузиазмом... В этом – еще один парадокс местной ситуации: зодчими-«колонизаторами» старых Еревана и Лениакана-Гюмри выступали не засланные из Москвы архитектурные эмиссары (как часто бывало в столицах Центральной Азии), а сами армяне, лидеры нации. При этом зачастую приехавшие в страну извне и не испытывавшие эмпатии к доставшейся им среде (помимо Таманяна, это не бывавшие до того в Ереване Николай Баев из Баку, Николай Буниatian из Москвы, Марк Григорян из Ростова-на-Дону и др.).

Ереван отличен от большинства новых столиц. Он строился не «поверх» уже сложившейся городской среды, а вместо нее. Как и северная столица империи, поднимаясь «к из топи блат», но «болотом» здесь полагалась существовавшая (в основном вернакулярная) застройка. Преемственность с домодерным прошлым исключалась принципиально.

Поэтому ценность градостроительного наследия Александра Таманяна амбивалентна. Великий зодчий, вложивший в свой ереванский проект мечту о правиль-

ном армянском городе, проектируя идеальную столицу Армении, создал на деле эффектную столицу имперской колонии. Он хотел сделать из «захудалого восточного городишки» город-сад, город счастья. А получался – провинциальный вариант Санкт-Петербурга.

Так что, помимо имперской колонизации, в случае Еревана можно говорить еще и о самоколонизации, которая началась здесь в 1920-е с приездом иногородних представителей национальной элиты.

В постсоветский период самоколонизация происходит уже в более явном виде, без идеологических оберток. Метрополией выступает теперь не Россия/СССР, а некий условный глобализованный «Дубай». Суть от этого не меняется. Вернакулярные районы тотально сносятся либо находятся под острой угрозой сноса.

Что делать с вернакуляром?

Александр Раппапорт так определяет будущее посттоталитарной архитектуры в своем посте от 23.04.2022 в одной из социальных сетей: «Индивидуализация, дезурбанизация и глобализация биосферы-ноосферы. <...> Сентиментальный антитехницизм. Проблема одушевления и органицизма. <...> Девальвация количества. Возвращение к семье. Темпорализация и персонализа-

< Рис. 22. Ереван. Разрушение остатков вернакулярной застройки на пути Северного проспекта. В перспективе проспекта – Опера (почти не видна). Фото автора, 2012

^ Рис. 24. Гюмри, площадь Независимости (бывшая Ленина). Фото автора, 2017

10. Благодарю за информацию о Форарльберге Юрия Пальмина.

11. Из российских образовательных институций обратим внимание на актуальные работы студентов московских школ Евгения Асса (МАРШ) и Наринэ Тютчевой (Re-School).

ция. <...> Самодеятельность и психологизация. Конструктивизм и достоинство».

Собственно, почти все перечисленное (и даже «конструктивизм», если понимать под ним не архитектурный стиль, а «честность» и прагматичность инженерных решений) присуще вернакуляру.

Так что, с точки зрения А. Раппапорта и Притцкерского комитета, будущее – за вернакуляром. Это с одной стороны. С другой – Ереван, другие города постсоветских стран теряют его на наших глазах...

Не было бы счастья... «Благодаря» геополитическим столкновениям последних лет, в которых тесно задействованы и Армения, и Россия, время на глазах убыстряется, и нам приходится – хотим мы того или нет – смотреть на мир в оптике деколонизации.

Неужели для преодоления навязанной сверху и подержанной местным «высоким» зодчеством имперской

фасадной колониальности, для расколдовывания ее магии, для снятия иллюзии возможности возрождения имперских структур нужны бомбардировки городов и ракетные обстрелы? И иначе никак?

Иначе – можно! И если мы в Армении – зайдём во дворы центра Еревана, поднимемся в Конд, забредём в Айгестан, съездим в Старый Норк... И обязательно навестим Гюмри – самую удивительную, самую сильную альтернативу имперскости – живой вернакулярный город, который хоть и был напрямую учрежден империей, внутри себя успешно противостоял ей с самого начала. И противостоит до сих пор, развивая собственные вернакулярные правтики.

Если в России – доедем до Городца, Коломны, Мышкина, Суздаля, где историческая вернакулярная среда ревитализируется самими жителями практически без участия власти.

А если в Европе, доберемся, к примеру, до австрийской земли Форарльберг, где благодаря деятельности баукюнстлеров (мастеров-деревянщиков высшего класса, не имеющих архитектурного образования, но получивших после Второй мировой войны право возведения зданий высотой до четырех этажей), формируется интереснейшая неовернакулярная среда, основанная на местных традициях и новейших строительных технологиях¹⁰.

Оптика деколонизации и оптика вернакуляра – общая оптика.

Нужны перемены

Пора начинать работу по реинтерпретации и деколонизации истории архитектуры (российской, армянской, да и всеобщей) и сегодняшней архитектурной практики.

Частью этой работы должно стать осознание имперского прошлого наших городов и его метастазов и в сегодняшней городской среде, и в нас самих. Осознание «имперской вины» колониальной и/или самоколонизальной идеологии и архитектуры, насажденных в аутентичных исторических городах, перед нынешними и будущими их жителями, которые уже не увидят вживую важной части наследия своих предков – уничтоженного исторического вернакуляра.

v Рис. 23. Москва, Тверская улица. Эстафета ширм. Фото автора, 2018.

^ Рис. 25. Ереван. Дом актера на проспекте Маштоца (бывшем Сталина). Фото автора, 2013

^ Рис. 26. Ереван. Самодельный пристрой к внутриквартальной стороне сталинского дома на проспекте Тиграна Меца (квартал с Голубой мечетью). Фото автора, 2022

Нужно признать за вернакуляром право оставаться особой культурой, другой по отношению к «верхним», «первым» и «вторым», «высоким», навязываемым. Предоставить ему собственное законное место в мультикультурном мире. И уважать его (как и любую другую культуру), даже если он кому-то из нас не нравится. Не мешать вернакуляру творить себя. Дать ему говорить своим голосом. Понять эвристический потенциал вернакуляра при организации комфортной, экологичной, человеческой городской жизни. Формировать новое отношение к вернакуляру как к национальному достоянию, актуальной ценности и стимулу будущего не-имперского и не-самоколонизационного развития, делая это на всех уровнях – верхних (где необходимо глубокое просвещение власть имущих) и низовых – долгим путем awareness-rising: выставок, публикаций, мастер-классов, ремесленных курсов, продвижения достижений в деле самоподдержания вернакуляра.

И необходимо, конечно же, практическое проектное про-вернакулярное осмысление реальных проблем наших городов, которым уже начинают заниматься ведущие архитекторы и архитектурные школы мира, отказываясь играть по имперским правилам¹¹.

Личная позиция

Ну а пока эти нескорые процессы будут (или не будут – империя вовсе не спешит разлагаться) происходить, что остается нам, отдельным, частным людям? Тем, кому не слишком уютно под имперским архитектурным прессом? Мне?

Это вопрос позиционирования. Где мы находимся, где видим себя? На Главной Площади, под (пусть уже и несуществующей) трибуной вождя? Внутри пространства парадных имперских ширм? Или же за или даже над ними – скажем, на холме Конда? Ведь Конд – оплот и моего персонального сопротивления. В той войне с вернакуляром, которая ведется и со мной лично.

Литература

1. Rudofsky, B. Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture. – New York : Museum of Modern Art, 1964
2. Charter on the Built Vernacular Heritage. 1999 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/vernacular_e.pdf (дата обращения: 12.10.2022)

< Рис. 27. Гюмри. Чернотуфовые соседи: дома начала и конца века на улице Шираза. Фото автора, 2018

v Рис. 28. Ереван. Вернакулярный район Старый Норк. Здание конца XIX века, возрожденное наследниками первых хозяев. Фото автора, 2021

^ Рис. 29. Новый Ереван, исторический центр города. На переднем плане – разрушение исторических вернакулярных кварталов между улицами Арами и Бюзанда и строительство ТРЦ «Старый Ереван». Фото автора, 2021

3. Noble, A. *Traditional Buildings: A Global Survey of Structural Forms and Cultural Functions*. – London : I.B.Tauris, 2007. – P. 1–17

4. Высоковский, А. А. Вернакулярный город // Александр Высоковский: в 3 т. Т. 3. Public. – Москва : Grey Matter, 2015. – С. 30–33

5. Деколониальность: настоящее и будущее. – Москва : Горизонталь, 2022. – С. 38

6. «Через сотню лет городов будет в десять раз меньше»: главный архитектор Москвы о том, каким он видит развитие столицы. 21.04.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moslenta.ru/city/mnenie/my-budem-zhit-v-mire-gde-ischezayut-goroda-glavnyi-arkhitektor-moskvy-o-tom-kakim-on-vidit-razvitie-stolicy.htm> (дата обращения: 12.10.2022)

7. Diébédo Francis Kéré Receives the 2022 Pritzker Architecture Prize [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pritzkerprize.com/laureates/diebedo-francis-kere> (дата обращения: 12.10.2022)

8. С архитектором Кенго Кумой беседует Арнис Ритупс // Rigas Laiks. – 2018. Весна [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rigaslaiks.lv/zurnals/novembris-2018> (дата обращения: 12.10.2022)

9. Копылова, Л. Бегство в Египет. 16.07.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://archi.ru/russia/83630/egipetskie-dni> (дата обращения: 12.10.2022)

10. Был ли СССР колониальной империей? 13.06.2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://eusp.org/news/moskva-byli-sssr-kolonialnoj-imperiej> (дата обращения: 12.10.2022)

11. Паперный, В. Культура «два». – Москва : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.

12. Муравски, М. Парк культуры Tree: архитектура, реальность и колониальность в собянинской Москве // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21981/ (дата обращения: 12.10.2022)

13. Аверинцев о культуре и национализме : Из выступления С. С. Аверинцева перед студентами историко-архивного института в чтении «Социальная память человечества» // Юность. 1987. № 12 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rasaddin.livejournal.com/23098.html> (дата обращения: 12.10.2022)

14. Мандельштам, Н. Я. Воспоминания. – Москва : Книга, 1989. – С. 87

15. Иванов, А. Гюмри: вернакуляр черного туфа. – Ереван : Коллаж, 2021. – 376 с.

16. Эпштейн, М. Философские случаи // Знамя. 2022. № 8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/8/filosofskie-sluchai.html> (дата обращения: 12.10.2022)

17. Жолковский, А. Город и локон. Об одной пушкинской миниатюре // Звезда. – 2011. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/gorod-i-lokon-ob-odnoj-pushkinskoj-miniature.html> (дата обращения: 12.10.2022)

References

Averinzev o kulture i nazionalizme. [Averintsev about culture and nationalism] (1987). Yunost, 12. Retrieved October 12, 2022, from <https://rasaddin.livejournal.com/23098.html>.

Byl li SSSR kolonialnoy imperiej? [Was the USSR a colonial empire?] (2017). Retrieved October 12, 2022, from <https://eusp.org/news/moskva-byli-sssr-kolonialnoj-imperiej>.

Charter on the Built Vernacular Heritage (1999). Retrieved October 12, 2022, from https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/Charters/vernacular_e.pdf.

v Рис. 30. Ереван. Памятник Александру Таманяну и полицейский. Фото автора, 2013

^ Рис. 32. Ереван, мастерская по производству хачкаров на улице Арами. Мастер и подмастерье. Фото автора, 2012

^ Рис. 33. Ереван, Конд. Вид на Арарат. Фото автора, 2015

“Cherez sotnyu let gorodov budet v desyat raz menshe”. Glavnyy arhitek-tor Moskvy o tom, kakim on vidit razvitie stolizy [“In a hundred years there will be ten times fewer cities”. The chief architect of Moscow on how he sees the development of the capital] (2022). Retrieved October 12, 2022, from: <https://moslenta.ru/city/mnenie/my-budem-zhit-v-mire-gde-ischezayut-goroda-glavnyi-arkhitek-tor-moskvy-o-tom-kakim-on-vidit-razvitie-stolizy.htm>.

Decolonialnost: nastoyashee i budushee [Decoloniality: present and future] (2022). Moscow: Gorizonta, 38.

Diébédo Francis Kéré Receives the 2022 Pritzker Architecture Prize (2022). Retrieved October 12, 2022, from <https://www.pritzkerprize.com/laureates/diebedo-francis-kere>.

Epshteyn, M. (2022). Filosofskie sluchai [Philosophical cases]. Znamya, 8. Retrieved October 12, 2022, from <https://magazines.gorky.media/znamia/2022/8/filosofskie-sluchai.html>.

Ivanov, A. (2021). Gyumri: vernakulyar chernogo tufa [Gyumri: black tuff vernacular]. Yerevan: Collage.

Kopylova, L. (2019). Begstvo v Egipt [Escape into Egypt]. Retrieved October 12, 2022, from <https://archi.ru/russia/83630/egipetskie-dni>.

Mandelshtam, N. Ya. (1989). Vospominaniya [Memories]. Moscow: Kniga.

Muravsky, M. (2020). Park kultury Tree: arhitektura, realnost i kolonialnost v sobyaninskoy Moskve [Culture park Tree: architecture, reality and coloniality in Sobyenin's Moscow]. Novoe literaturnoe obozrenie, 1. Retrieved October 12, 2022, from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21981/.

Noble, A. (2007). Traditional Buildings: A Global Survey of Structural Forms and Cultural Functions. London: I.B.Tauris, 1–17.

Paperny, V. (1996). Kultura “Dva” [Culture “Two”]. Moscow: NLO.

Rudofsky, B. (1964). Architecture without Architects: A Short Introduction to Non-Pedigreed Architecture. New York: Museum of Modern Art.

S arhitek-torom Kengo Kumoy beseduet Arnis Ritups (2018). [Arnis Ritups talking to architect Kengo Kuma]. Rigas Laiks, Spring.

Vysokovsky, A. A. (2015). Vernakulyarny gorod [Vernacular city]. Alexander Vysokovsky in 3 volumes. Vol. 3 Public. Moscow: Grey Matter, 30–33.

Zholkovsky, A. (2011). Gorod i lokon. Ob odnoy pushkinskoy miniatyure [City and curl. About one Pushkin miniature]. Zvezda, 2. Retrieved October 12, 2022, from <https://magazines.gorky.media/zvezda/2011/2/>

^ Рис. 31. Придуманная А. Таманяном градостроительная ось «Север – Юг» на постаменте памятника и комплекс «Каскад». Фото автора, 2013

